

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КАУЗАТИВНОСТИ

FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORY OF CAUSATIVITY

N. Syutkina

Annotation

The article deals with the review of the main approaches to the study of categories of language and cognition. The author considers the category of causativity as a conceptual category, known as a universal logical category since ancient time. Emotive causative verbs are the verbs revealing interpersonal interaction, that results in the change of emotional-psychological state of an object. On the basis of definitional-synonymical analysis the author finds out the semantic field of emotive causative verbs expressing positive, negative and neutral modification of emotional-psychological state of an object of causation.

Keywords: universal logical category, notional category, functional-semantic category, functional-semantic field, causativity, causative verbs, emotive causative verbs.

Сюткина Надежда Павловна

Ст. преподаватель,

*Пермский государственный
национальный исследовательский
университет*

Аннотация

В настоящей статье представлен обзор основных подходов ученых к изучению языковых и мыслительных категорий, освещается проблема понятийных категорий. Автор рассматривает категорию каузативности, которая известна со времен античности как универсальная логическая категория. Эмотивные каузативы представляют собой ряд каузативных глаголов, фиксирующих интерперсональное взаимодействие, в результате которого наблюдается модификация эмоционально-психологического состояния объекта. На основе дефиниционно-синонимического анализа построено семантическое поле эмотивных каузативов положительной, отрицательной и нейтральной модификации эмоционально-психологического состояния объекта каузации.

Ключевые слова:

Универсальная логическая категория, понятийная категория, функционально-семантическая категория, функционально-семантическое поле, каузативность, каузативный глагол, эмотивный каузативный глагол.

Согласно "Лингвистическому энциклопедическому словарю" (ЛЭС) языковая категория представляет собой любую группу языковых элементов, выделяемую на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторого признака (параметра), который лежит в основе разбивки обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака. В зависимости от состава категоризируемого множества, характера категоризирующего признака и отношения данного признака к классам разбиения выделяются различные типы категорий. Так, например, выделяют грамматические, синтаксические, лексико-семантические, словообразовательные и другие категории. Также в языкознании выделяют понятийные категории – смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемые в естественном языке разнообразными средствами. Понятийные категории рассматриваются безотносительно к тому или иному конкретному способу выражения (прямого или косвенному, явному или неяв-

ному, лексическому, морфологическому или синтаксическому). В качестве средств выражения понятийных категорий выступают граммы грамматических категорий, словообразовательные и лексические подклассы знаменательных слов, служебные слова, синтаксические конструкции и supra-сегментные средства (просодический контур и порядок слов). Обычно понятийные категории понимаются как универсальные, свойственные всем или большинству языков мира, благодаря именно этому свойству они выступают как основа сводимости описаний разнообразных и разноразличных языков. Большинство понятийных категорий характеризуется "полевой" структурой, с "ядром" и "периферией" в составе соответствующего функционально-семантического поля [15].

Впервые понятийные категории выделяет О. Есперсен, рассматривая соотношение между грамматическими и логическими категориями, в попытке установить, какие категории мышления находят свое отражение в грамматических категориях, и насколько грамматические категории совпадают или расходятся с логическими. "Внешний мир в том виде, в котором он отражается в че-

ловеческом сознании, чрезвычайно сложен; и нельзя думать, что можно сразу найти самый простой и точный способ обозначения несметного количества явлений и многообразных отношений между ними. Поэтому соответствие между внешними и грамматическими категориями никогда не бывает полным, повсюду мы находим самые странные и неожиданные перекрещивания и взаимопересечения" [9, с. 57]. Есперсен выделяет три ступени анализа грамматического явления, а именно: форма, функция и понятие, и приходит к выводу, что взаимоотношение между синтаксическими и понятийными категориями представляет собой сложную сеть [9, с. 59]. Понятийными категориями он называет "внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом. Некоторые из них относятся к таким фактам внешнего мира, как пол, другие – к умственной деятельности или к логике" [9, с. 58].

В отечественной лингвистике теорию понятийных категорий разрабатывал в своих трудах И.И. Мещанинов [17, 18, 19, 20]. В след за О. Есперсеном он размышлял о взаимосвязи языка с мышлением, дифференцируя попытки истолковывать языковые явления только с точки зрения логики. "Смысловая сторона должна обращать на себя внимание. Но при ее учете приходится придерживаться самого языкового материала. Приходится проследивать в самом языке, в его лексических группировках и соответствиях, в морфологии и синтаксисе выражение тех понятий, которые создаются нормами сознания и образуют в языке выдержанные схемы. Эти понятия, выражаемые в самом языке, хотя бы и неграмматической формой грамматического понятия, остаются в пределах языкового материала. Поэтому они не выступают из общего числа языковых категорий" [17, с. 14]. Ученый приходит к мысли, что различия между языками носят не абсолютный, а относительный характер и касаются в основном формы экспликации содержания, в то время как такие понятия, как предметность и действие, субъект, предикат, объект, атрибут с их модальными оттенками, а также отношения между словами в составе предложения оказываются общими для всех языков [19, с. 5]. Понятийной категорией является такое понятие, которое получает в языковом строе упорядоченное оформление, т. е. отражается в определенной лексической, морфологической или синтаксической системе. Выявляясь в семантической стороне лексики, в синтаксическом строе предложения и в морфологическом оформлении слова, понятийные категории остаются тем самым в числе языковых категорий, хотя и являются категориями сознания [20, с. 236–238]. Те понятийные категории, которые получают в языке свою синтаксическую или морфологическую форму, становятся грамматическими понятиями [20, с. 240].

Л.В. Щерба рассматривает вопросы семантики в аспекте активной и пассивной грамматики и "возможности или невозможности построить "идеологическую" грамматику, т. е. исходящую из семантической стороны, независимо от того или иного конкретного языка" [23, с. 48]. Граматику ученый рассматривает как "сборник правил речевого поведения, правила должны быть точными и отвечать языковой действительности; они должны руководить говорящими при составлении фраз в соответствии с теми мыслями, которые эти говорящие хотят выразить" [23, с. 47–48]. Л.В. Щерба размышляет о единстве значения, выражаемом конкретно разными, но сходными по звукам словами. "Когда мы наблюдаем, что все эти слова обозначают одни и те же предметы мысли, хотя и в разных аспектах или с разными дополнительными значениями, то образно мы вполне вправе говорить, что слова этой группы являются различными видоизменениями, различными "формами" одного и того же слова" [23, с. 53]. Также и вопросы синтаксиса приводят ученого к размышлениям о средствах выражения тех или иных категорий: "Что касается активного аспекта синтаксиса, то в нем рассматриваются вопросы о том, как выражается та или иная мысль. Например: как, какими языковыми средствами выражается предикативность вообще? Как выражается описание того или иного куска действительности? Как выражается логическое суждение с его S и P? Как выражается независимость от воли какого-либо лица действующего? Как выражается предикативное качественное определение? Как выражается количество вещества?" [23, с. 56]. Л.В. Щерба приходит к выводу о важности и универсальности подобных категорий: "Но не только такие общие категории, как существительные, прилагательные, глаголы, должны найти себе место в особом важном отделе грамматики; туда пойдут и такие категории, как безличность... В других языках найдется немало и других общих категорий, в аспекте которых они привыкли воспринимать действительность" [23, с. 58–59].

С.Д. Кацнельсон внес большой вклад в разработку темы мыслительных основ языка. Процессы обобщения и абстракции лежат, с точки зрения ученого, в основе слов и понятий: "Лексические значения, как и понятия, это своего рода умственные "концентраты", сгустки человеческих знаний об определенных фрагментах и сторонах окружающей нас действительности. В основе слов и понятий всегда лежит обобщение, т. е. отражение того общего, постоянного и устойчивого, что скрыто в многообразии и бесконечной переменчивости явлений" [11, с. 9]. Каждый язык располагает универсальным компонентом языковой структуры, необходимо присутствующим в любом языке [10, с. 11]. Согласно С.Д. Кацнельсону, в содержании каждого языка различается два компонента – универсальный и идиоэтнический. Переход от семантической системы одного языка к семантической системе другого языка в принципе всегда возможен, если имеют–

ся в виду именно значения. Передача значений одного языка средствами другого языка возможна в силу того, что каждое значение разложимо на составные компоненты и что компоненты значений могут быть воссоединены в целостные значения. Это является доказательством того, что логико-семантический аппарат типологически универсален, он состоит из набора категорий и элементарных вещественных значений [10, с. 117].

А.В. Бондарко в своих трудах анализирует категории семантические, структурные и категорию функционально-семантического поля. (4, 5, 6, 7). Он трактует их как языковые, имеющие языковое содержание и языковое выражение. Поэтому он отказывается от термина "понятийная категория", считая, что этот термин дает основания думать, что имеются в виду логические понятия, а не категории языка. Применительно к конкретно-языковому аспекту он использует термин "семантическая категория", критерием выделения которых является частичная общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов (наличие семантического инварианта при всех различиях вариантов) [3, с. 8].

Функционально-семантическое поле (ФСП) характеризуется определенными связями с категориями мышления и через них – с отношениями внеязыкового мира, однако сами по себе рассматриваемые единства являются собственно языковыми – не только по их формальному выражению, но и по языковому содержанию каждого из средств. ФСП определяется как группировка разнородных средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории [7, с. 15]. Н.А. Кобрин также подчеркивает необходимость дифференцировать логические и языковые понятийные категории, а также "изучать роль и нормы мыслительной деятельности в речемыслеиспытательном процессе с позиций лингвистики, а не логики и психологии, как это делалось в прошлом, в разные периоды развития лингвистики. Обе эти науки навязывали лингвисту свои нормы и догмы и привносили в лингвистику чуждые ей концепты. Аппарат познания в логике в принципе является более узким и жестким, чем познаваемый и описываемый объект (язык)" [12, с. 41]. По мнению ученого, все аспекты, где проявляются динамичность, вариативность и креативность языковых систем и подсистем, требуют теоретического осмысления всех этих явлений в совокупности. Как всякая работающая система, понятийный аппарат, лежащий в основе языка, и должен быть динамичной, лабильной и креативной системой [12, с. 46]. Специфика языка, по мнению Н.А. Кобриной, в его полифункциональности, т. е. способности структур включать одновременно информацию собственно коммуникативную, прагматическую, познавательную и синергетическую, т. е. восполняющую в случае выпадения из системы каких-то механизмов выражения. Полифункциональность есть

свидетельство неоднозначности соотношения ментальной деятельности и вербализации, о различной роли компонентов ментального уровня в самом процессе вербализации, на разных его этапах. Именно структурированность человеческого мышления – модулярность обеспечивает одновременное порождение разных составляющих ментального субстрата языковых структур. В связи с этой сложностью ментальной основы предпочтение было отдано более общему термину "концепт", вместо более частного термина "понятие" [13, с. 69–70].

Понятийные категории имеют универсальный характер, они представляют собой результат абстрагирования высокой степени. Языковые категории соотносятся с логическими категориями, но они не изоморфны. "Понятийные категории – это релевантные для языка ментальные категории, ориентированные с одной стороны, на логико-психологические категории, а с другой на семантические категории языка. Представляя собой опосредованный универсальными законами мышления результат человеческого опыта, они, в свою очередь, являются основой семантических структур языка, необходимой предпосылкой функционирования языковой системы в целом" [14, с. 32].

Категория каузативности как универсальная логическая категория разрабатывается со времен античности, оставаясь актуальной и сегодня. "Идея причинности прошла в своем развитии разные стадии: наивное понимание причинности в первобытном обществе; причина как "первоначало" у древних греков; телеологическая причинность периода эллинизма и средневековья; действующая, "силовая" причина в механике и философии нового времени; внутренняя, качественная причина в немецкой классической философии; агностицизм Д. Юма и позитивистов в трактовке причинности. Современное научное представление о природе причинности исходит из положения о сложности данной категории и многообразии форм казуальных отношений" [22, с. 199].

В лингвистике категория каузативности привлекала внимание многих ученых. В качестве одного из первых можно назвать французского лингвиста Ш. Балли, который говорит о синтаксическом отношении причинения, возникающем из отношений согласования и управления. "Причинение по способу согласования отвечает формуле: сделать так, чтобы А стало В, а причинение по способу управления: сделать так, чтобы А было у В. Необычность этих оборотов свидетельствует о том, что язык для выражения отношений причинения чаще всего употребляет скрытые приемы. Эти приемы многочисленны и разнообразны, так что он в той или иной степени синтезируют два сложных понятия" [2, с. 124–125]. *Он выделяет три вида таких приемов:*

1. Два глагола, содержащиеся в аналитической формуле, могут быть сближены, отчего создается впечатле-

ние одного общего понятия: *Paul fait travailler Pierre* "Павел заставляет Петра работать"; такое сближение сопровождается другими особенностями: *Paul fait faire un habit au tailleur* "Павел заказывает портному сделать одежду".

2. *Faire etre tel ou tel* "делать тем или иным", *faire avoir* "снабжать" и *faire etre a* "отдавать" сжимаются в простые глаголы, которые можно назвать каузативными связками. Их лексикализация принимает самые разнообразные формы.

3. Максимальное сжатие дают так называемые каузативные глаголы, которые заключают в себе и связку и атрибутив согласования или дополнение управления: *egayer* "веселить" значит *faire etre gai* "заставить быть веселым" (каузативный глагол согласования); *argenter, dorer, colorer* = *faire avoir de l'argent, de l'or, des couleurs* "серебрить, золотить, окрашивать" = *заставить иметь серебро, золото, краску* (каузативные глаголы управления) [2, с. 125].

Дж. Лайонз в "Введении в теоретическую лингвистику" обращается к синтаксическим и семантическим особенностям каузативных конструкций. Каузативные глаголы в его понимании синонимичны понятиям переходности и эргативности. "Каузативные конструкции чрезвычайно широко распространены во всех языках мира. Они дают нам общую основу для рассмотрения переходности и эргативности" [14, с. 375]. Под эргативностью он понимает такие синтаксические отношения, когда "эргативный субъект непереходного глагола "становится" объектом соответствующего переходного глагола вводит новый эргативный субъект в качестве "агенса" (или причины) описываемого действия". Выведение синтаксической конструкции из непереходной в переходную он называет каузативной трансформацией [14, с. 373].

И.А. Мельчук также подчеркивает универсальность каузатива: "каузативная деривата встречается в языках практически всех известных языковых семей, что не удивительно, учитывая первоочередную значимость причинных отношений в человеческой жизни. В некоторых языках, где каузатив отсутствует в настоящее время, его следы обнаруживаются в ходе этимологического анализа. Во многих языках, утративших словообразовательный каузатив, возникли регулярные синтаксические каузативные конструкции (аналитические каузативы) [16, с. 379]. Актуальной остается и его мысль о релевантности исследований данной области: "ввиду важности семантики каузатива и его особой роли в синтаксисе, каузатив является постоянной темой семантических и синтаксических исследований последних лет" [16, с. 385]. Рассматривая каузатив с точки зрения морфологии ученый выделяет лексический каузатив (простые непереходные глаголы, которые содержат компонент "каузировать" в своем означаемом); морфологический каузатив (между лексическими и морфологическими каузативами не существует резкой границы); синтаксический каузатив, где смысл каузации выражен вспомогательным глаголом.

Морфологические каузативы (называемые иначе аналитическими), образуют в совокупности класс грамматических каузативов, противопоставляемых лексическим каузативам. Лексический каузатив чаще выражает непосредственную каузацию, с контактом между каузатором и объектом каузации, и предполагают единство времени и места для акта каузации в каузируемой ситуации. Все эти характеристики не обязательно свойственны грамматическому каузативу, будь он синтетическим или аналитическим. Такой каузатив чаще обозначает опосредованную каузацию, с наличием промежуточных исполнителей и не предполагающую единства времени и места [16, с. 387–390].

Н.Д. Арутюнова обращается к синтаксическим механизмам каузативной ситуации. По ее мнению "многие из межсобытийных глаголов, а также все глаголы, условно названные качественно-логическими, относятся к группе каузативов, т. е. включают в свое значение компонент каузации. Их анализ поэтому не был бы полным без обращения к некоторым общим вопросам, связанным с лингвистической категорией каузативности. Рассмотрение синтаксических механизмов каузации также позволит подойти с новой стороны к явлению взаимодействия имен лица и обозначений событий в структуре предложения и глубже понять его закономерности" [1, с. 167].

С точки зрения участия в каузативных отношениях лиц и событий Н.Д. Арутюнова выделяет следующие типы глаголов, в семантику которых включен компонент каузативности:

1. классические каузативы, устанавливающие причинно-следственные отношения между двумя нерасчлененными событиями (обусловить, вызвать);
2. личностные каузативы, представляющие событие как результат воздействия одного лица на волю другого (угovarивать, просить);
3. личностные каузативы, представляющие событие как непосредственный результат действия некоторого лица (сделать так, чтобы);
4. событийные каузативы, представляющие событие как результат воздействия некоторой ситуации (личной или безличной) на агента действия или состояния (дождь вынудил нас вернуться домой);
5. "двуличные" каузативы, представляющие некоторое субъективное, психическое событие, как стимулированное некоторым лицом (одобрять, убеждать);
6. "двуличные" каузативы, представляющие связь двух агентивных событий механического действия (кормить);
7. событийные каузативы, представляющие некоторое психическое событие как стимулированное агентивным или безличным событием (раздражать, успокаивать);
8. личные каузативы, обозначающие связь двух физических событий – агентивного и безагентного (гнуть, ломать) [1, с. 176].

Обращение к категории каузативности с позиций направления функциональной грамматики позволяет реализовать динамический подход в систематизации языковых средств каузативной семантики, т. к. функционально-семантическая категория каузативности находит выражение на разных уровнях языковой системы. Категорию каузативности как функционально-семантическую категорию изучает С.В. Шустова, "так как данная категория наряду с другими функционально-семантическими категориями имеет обобщенное значение и оформляется богатой палитрой языковых средств" [24, с. 10].

Процесс каузации, как языковая репрезентация логической категории причинности подразделяется С.В. Шустовой на каузальность и каузативность. Каузальность представляет собой причинение через обусловленность (причина, условие, уступка, цель), а каузативность рассматривается как причинение через побуждение. Понятие каузальности лежит в основе человеческого сознания и не может быть устранено без кардинального изменения всей картины мира. Каузальность включает в себя четыре типа отношений: причинно-следственные, условно-следственные, уступительно-следственные и целевые следственные отношения.

Каузативность же представляет собой интерперсональное взаимодействие в результате которого наблюдается модификация различных сфер антропонимического характера: физической, перцептивной, психической и информативной сфер [24, с. 12]. Каузативность представляет собой функционально-семантическую категорию, так как обладает определенной степенью абстракции, имеет обобщенное грамматическое значение "побуждения субъектом объекта к действию или изменению состояния"; обязательно и последовательно оформляется определенными языковыми средствами; изучаемой категорией охватывается большое количество лексем, специализирующихся на выражении значения каузативности [25, с. 14].

В фокусе нашего внимания находятся эмотивные каузативы немецкого языка, фиксирующие интерперсональное взаимодействие, в результате которого наблюдается модификация эмоционально-психического состояния объекта. Выделяются три группы данных глаголов: каузирующие отрицательное, положительное и нейтральное эмоциональное состояние у объекта каузации [26, с. 128]. На основе работы с корпусом немецкого языка Leipzig Corpora Collection и dwds.de нами были выделены базовые глаголы, каузирующие положительное эмоциональное состояние: *erfreuen, unterhalten, amüsieren.*

anregen, ermuntern, vergnügen, freuen, ermutigen, zerstreuen, beflügeln, begeistern, beleben, genießen, ablenken, beschenken, überraschen u. erheben. К базовым глаголам, каузирующим отрицательное эмоциональное состояние, относятся глаголы *argern, aufbringen, aufregen, verargern, erregen, reizen, emporen, plagen, provozieren, qualen, belastigen, aufziehen, auffahren.* И базовые глаголы, актуализующие нейтральную модификацию эмоционального тона: *bewirken, hervorrufen, verursachen, wecken, erwecken, berühren, bewegen, auslösen, schüren, bereiten, schaffen, ruhren, beeindrucken, anstecken и stimmen.*

Синонимический анализ базовых глаголов позволил построить семантическое поле каждой из этих групп. Доминанту (ядро) поля эмотивных каузативов положительной модификации психического состояния составляют глаголы *erfreuen, unterhalten, amüsieren.* В ядерной части также находятся лексемы *anregen, ermuntern u. vergnügen,* так как они имеют достаточно высокую степень синонимичности в словарях. Зона ближней периферии представлена глаголами *freuen, ermutigen, zerstreuen, beflügeln, begeistern,* а в зоне дальней периферии находятся лексемы *beleben, genießen u. ablenken, а глаголы beschenken, überraschen u. erheben* составляют зону крайней периферии.

Семантическое поле глаголов, актуализующих отрицательную модификацию психического состояния, состоит из 4 зон. Доминанту (ядро) поля составляют лексемы *argern, aufbringen, aufregen, verargern,* имеющие самую высокую степень синонимичности. В зоне ближней периферии расположены каузативы *erregen, reizen, emporen, plagen.* Зона дальней периферии включает глаголы *provozieren, qualen, belastigen, aufziehen,* в зоне крайней периферии находится глагол *auffahren.* Семантическое поле каузативов модификации нейтрального эмоционального тона состоит из 5 зон. В ядерной части находятся глаголы *bewirken, hervorrufen, verursachen, wecken, erwecken,* к доминантной зоне также относятся лексемы *berühren, bewegen, auslösen,* в зоне ближней периферии – *schüren, bereiten, schaffen,* в зоне дальней периферии располагаются лексемы *ruhren und beeindrucken,* а в зоне крайней периферии с наименьшей степенью синонимичности находятся глаголы *anstecken u. stimmen.* [21, с.31–38]. Основным лексическим средством выражения каузативности признаются каузативные глаголы. С одной стороны, в их трактовке наблюдаются различия. С другой стороны, класс каузативных глаголов очень обширен и требует систематизации. Целью нашего исследования являются лексические каузативы, актуализующие модификацию эмоционального состояния. Данный класс глаголов мало изучен и представляет несомненный интерес для лингвистических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 384 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 416 с.

3. Бондарко А.В. Грамматические категории и контекст. Л.: Наука, 1971. 114 с.
4. Бондарко А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. Л.: Изд-во Ленинградск. гос. пед. ин-та, 1973. С. 5–31.
5. Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования / Отв. ред. В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1974. С. 54–79.
6. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л.: Наука, 1976. 255 с.
7. Бондарко А.В. Категории в системе функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник статей, посвященный юбилею Г.А. Золотовой. М.: Эдиторал УРСС, 2002. с. 15–21.
8. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
9. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 404 с.
10. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1972. 217 с.
11. Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / Под общ. ред. В.М. Жирмунского, М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. Изд. 3-е. М.: Эдиторал УРСС, 2011. 112 с.
12. Кобрина Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. Межвузовский сборник научных трудов. Л.: Ленинградск. гос. пед. ин-т, 1989. с. 40–49.
13. Кобрина Н.А. Понятийные категории как основа существования и развития языка // Studia Linguistica. 2010. № XIX. с. 67–72.
14. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. 544 с.
15. ЛЭС. Электронный ресурс. <https://les.academic.ru> (дата обращения: 10.02.2018)
16. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Т. II: Пер. с фр. / Общая редакция Н.В. Перцова и Е.Н. Саввиной. М.; Вена: Языки русской культуры, 1998. 544 с.
17. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды Военного института иностранных языков. М.: Военный институт иностранных языков. 1945. № 1. С. 5–15.
18. Мещанинов И.И. Понятийные категории и грамматические понятия // Вестник Московского университета. 1946. №1. С. 7–24.
19. Мещанинов И.И. Типологические сопоставления и типология систем // Научные доклады высшей школы. Серия: Филологические науки. 1958. № 3. С. 3–13.
20. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1978. 387 с.
21. Сюткина Н.П. Эмотивные каузативы: к вопросу о выделении // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 31–38.
22. Терешина Ю.В. Онтология категории каузативности // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2007. № 4. С. 195–199.
23. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Эдиторал УРСС, 2004. 432 с.
24. Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Монография. Изд. 2-е, испр. дополн. Пермь: Пермский государственный университет; Прикамский социальный институт, 2010. 248 с.
25. Шустова С.В., Ошева Е.А. Категория каузативности и функциональный потенциал глагола. Пермь: АНО ВО "Пермский институт экономики и финансов", 2014. 160 с.
26. Шустова С.В., Ошева Е.А. Актуализация эмоциональной модификации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 127–131.

© Н.П. Сюткина, (info@psu.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Пермский государственный национальный исследовательский университет